

18+

ЧАСТЬ 4.
Контроллеры реальности

ЛИСАВЕТА ЧЕЛИЩЕВА

КАДОТА

КАДОТА

Лисавета Челищева

Кадота: Контроллеры реальности

«Автор»

2026

Челищева Л.

Кадота: Контроллеры реальности / Л. Челищева — «Автор»,
2026 — (КАДОТА)

Им удалось сбежать с острова и перебраться в Ведасград — город, окружённый барьером от психически больных. Но не долго пришлось радоваться. Ди пытается удержать отношения с Виком, но после операций, которые едва не стёрли его личность, с ним что-то не так. На ночных улицах Ди встречает парня в красной шапке. Он говорит загадками и знает о ней то, чего знать не должен. Учёный из башни предлагает терапию, которая раскроет природу её способностей. Но чем глубже Ди погружается в эксперименты, тем сильнее стирается грань между реальностью и кошмаром. А в заброшенной деревне протестантов собирают армию. Её лидер когда-то поклялся уничтожить Серые власти. И теперь он узнал, что девушка, которую он любил и оплакивал, жива. И она совсем рядом.

Содержание

Голос в ночи	5
Адаптация и ложь	9
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лисавета Челищева

Кадота: Контроллеры реальности

Голос в ночи

Эфир был пуст. В час, когда Ведасград засыпал — или делал вид, что засыпает, — когда неоновые рекламные экраны переключались на умиротворяющие голограммы, а богоборцы патрулировали лишь главные артерии города, наступало время теней. Время тех, кто ещё не потерял способность слышать.

Сигнал шёл через пять каналов, трижды перекодированный, рассеянный по спутникам, которые давно числились мёртвыми. В трущобах, в подвалах, в промёрзших коммуналках, там, куда не доходили волны официального вещания, экраны иногда загорались сами.

Иногда.

Изображение на них было зернистым, звук — прерывистый, похожий на дыхание умирающего. Но те, кто смотрел, уже не могли оторваться.

Старик появлялся на экране внезапно, будто материализовывался из помех. Его лицо было испещрено морщинами, впалые щёки делали его вид жутковатым, седая щетина, глаза — такие мутные, что в них, казалось, поселилась сама пелена с историями всех рас.

Он сидел в кресле, которое могло быть и треном, и электрическим стулом, судя по нагромождению проводов и блоков у его ног. Обстановка вокруг тонула в полумраке, лишь его лицо было освещено резким, холодным светом, выхватывающим каждую трещину, каждый прожитый год.

Он не представлялся. В его надтреснутом голосе не было нужды в приветствиях.

— Если всё, что мы считали реальностью, — лишь отражение ограниченного восприятия нашего тела, — начал он не спеша, будто обращался не к зрителям, а к самому себе, к той части сознания, что ещё не была заглушена электричеством, — то где заканчивается иллюзия и начинается истина?

Старик замолчал, давая вопросу задержаться в эфире. В тишине слышался только треск помех — как сверчки в летнюю ночь. Как сверчки на острове.

— Фактически, этот мир — наше сознание, застрявшее в трёхмерной ловушке, в физическом теле, которое мы ошибочно принимаем за себя. Всё, что мы видим, слышим, осязаем, — не более чем интерпретация сигналов, пропущенных через фильтры страха, желания, привычки. Мы не воспринимаем реальность, товарищи. Мы конструируем её.

Старик наклонился вперёд, и свет упал на его кисти — сухие, тонкие, с вытатуированными символами, смысл которых давно стёрся.

— Любая религия всех рас учит, что этот мир — ложный. Что существует рай, или иная базовая реальность, куда мы возвращаемся, когда сбрасываем оковы плоти. Но рай, — он сделал паузу на этом слове, — это не то, что вы себе представляете. Не сады с молочными реками. Не встречи с умершими предками. Рай — это состояние. Состояние, в котором работа вашего сознания не искажена болью, временем и страхом смерти.

Он откинулся в кресле, его тень метнулась по стене.

— А мы, товарищи, существуем в пределах этой искажённой системы восприятия. Наше тело — не источник. Оно — приёмник. Антенна, настроенная на определённую частоту. И Серые власти, — он произнёс это с особым презрением, — они не просто контролируют наши тела. Они перестраивают наши приёмники. Они вживляют чипы, гонят через экраны свою пропаганду, таблетками выжигают из нас способность чувствовать настоящую боль — и настоящую радость. Очнитесь же!

Взгляд старика стал жёстче. Он смотрел прямо в камеру, и от этого взгляда становилось не по себе даже тем, кто давно уже разучился чувствовать.

— Наш ум работает вне физического тела. Без времени, без материи, без ограничений. Всё, что вы переживаете здесь — страх, гнев, ревность, — существует только в мире, где есть прошлое и будущее. Только в мире, где вы боитесь потерять то, что имеете, или не получить того, чего хотите. Но любовь, удовлетворение, радость — это не просто эмоции. Это проявления вашего глубинного состояния. Состояния, которое становится доступным, когда вы освобождаетесь от временных рамок.

Старческий голос окреп, в нём прорезалась та самая редкая, настоящая убеждённость, которую не купить и не вживить чипом.

— Рай — это не место. Его не найти на карте, не достичь, вколов себе очередную дозу синтезированной эйфории. Рай — это ясность ума. Состояние, в котором ваше восприятие больше не искажено. В котором вы видите мир не через призму страха, навязанного вам теми, кто кормит их вашими же отчаянием и болью.

Он помолчал. Эфир зашипел громче, будто невидимая рука пыталась нащупать источник сигнала и заглушить его.

— Не ждите спасения! Спасти себя можете только вы сами. Отключитесь от системы. Перестаньте быть приёмниками их лжи. Проснитесь! Пока ещё есть к чему просыпаться.

Экран дёрнулся, покрылся рябью помех. Старик на мгновение замер, будто прислушиваясь к чему-то, чего зрители не могли слышать.

— Они уже идут, — тихо сказал он, оглянувшись назад. — Но это все равно ничего не изменит.

Треск помех усилился. Силуэт старика начал распадаться на черно-белые волны.

— Запомните: вы не тело, у которого есть душа. Вы — душа, у которой есть тело. И никакой чип, никакая таблетка не сможет этого изменить! Пока вы не перестанете в это верить.

Экран погас.

Но через секунду — слишком короткую, чтобы успеть осознать задержку, — он вспыхнул снова. Теперь на нём были не лицо старика, не его провода и кресло. Теперь на нём был он сам — стоящий, выпрямившийся во весь рост, со связанными за спиной руками. Свет одинокой лампочки мигал и блуждал по комнате.

Вокруг него были люди в темной форме. Их лица были скрыты шлемами, на груди — символ перекрещённых мечей, остриями вниз. Символ власти серой расы. Символ их контроля.

Ровный голос за кадром, лишённый пола и интонаций, зачитывал приговор:

— Гражданин Мирослав Краль, идентификационный номер 005-ГП-77, признан виновным в нарушении следующих статей Криминального Кодекса: Статья 093 — несанкционированное вещание, подрыв общественного порядка. Статья 654 — выражение несогласия с идеологией и политикой властей. Статья 723 — распространение материалов, дискредитирующих систему контроля. Приговор: публичная казнь. Приводится в исполнение немедленно.

Старик — Мирослав Краль — не смотрел на зачитывающих приговор чистильщиков. Его глаза были устремлены не на палачей, не на камеру. Они смотрели куда-то сквозь, туда, где, возможно, была та самая ясность, о которой он говорил.

Он не просил пощады. Не пытался оправдаться. Его губы шевелились — беззвучно, но отчётливо.

Он молился.

Или просто говорил с теми, кто ещё мог слышать, сквозь помехи, сквозь страх, сквозь саму смерть.

— Проснитесь, — прозвучало последним, что успели разобрать динамики, прежде чем прогремели выстрелы.

Тело старика дёрнулось, обмякло и рухнуло на бетонный пол.

Экран не погас сразу. На нём ещё секунду держалось неподвижное изображение — безвольная рука, печать казни на стене.

На второй минуте сигнал оборвался. Экраны погасли, возвращая своим хозяевам официальные новости Ведасграда — о рекордных урожаях синтетического белка, о новом этапе программы «Чистота», о том, что жизнь в столице прекрасна, безопасна и полностью контролируема.

Но те, кто всё же успел увидеть эту короткую передачу — те, кто сидел в подвалах, в трущобах, в забытых богами и людьми углах, где связь ловилась с трудом, — они уже не могли сделать вид, что ничего не произошло.

Потому что тот старик говорил правду. Или ту её часть, которую можно было высказать, прежде чем голос прервут навсегда.

И где-то глубоко под землёй, в бункере, превращённом в студию, осталась лишь дымящаяся аппаратура, запах кордита и кровь на бетоне. Богоборцы уходили, оставляя после себя только тишину — ту самую, что наступает, когда замолкает последний голос спящего города.

Но эфир, как и правда, не умирает. Не стирается.

Он просто ждёт.

Ждёт тех, кто продолжит.

Тех, кто осмелится подать голос.

Адаптация и ложь

Часть 1

МИЯ

Дождь за окном — не ливень, не морось, а какая-то бесконечная стена из воды. Она льёт уже третий час. Стекла оранжереи запотели, и город внизу превратился в размытое пятно. Только верхушки самых высоких зданий торчат из тумана, как серые монолиты из ваты.

Я сижу в гамаке. Платье чёрное, вязаное, тянется на коленях. Чай давно остыл, но я всё равно делаю глоток — горько, травянисто, почти без вкуса. Блокнот раскрыт на последней странице. Ручка застыла в пальцах.

Шесть недель.

Шесть недель назад началась новая глава в моей жизни. И не потому, что я остригла волосы коротко, как всегда хотела. И не потому, что теперь сплю одна в комнате с высоким потолком и видом на южный сектор. А потому, что дирижабль тогда сел, и дверь открылась, и мы вышли в аэропорт Ведасграда.

И так началась новая жизнь.

Нас встречали. Огромная, шумная толпа. С плакатами, с этими дурацкими вспышками прямо в лицо, с криками, от которых закладывает уши. Я тогда ещё не поняла: кто я для них? Думала, герои. Ну, как в кино — возвращаются же с победой, да? А оказалось — нет. Половина из них реально смотрит как на героев. А вторая половина — на меня, особенно на меня, — как на убийцу. Ту самую, что перерезала трос. Ту, из-за которой Тим не вернулся. Та, что заслуживает петли.

Я тогда ещё не знала, что привыкну. К ненависти привыкаешь быстрее, чем к уважению. Интересно.

Похудела. Лицо осунулось, скулы острее стали. В зеркале теперь другой человек. Когда отрезала волосы, стало как-то легче. Будто сняла с себя часть ноши. Коротко, почти под мальчика. Иржи сказал — дерзко. Сказал — тебе идёт. Я тогда подумала: он единственный, кто не смотрит на меня с укором.

Но это было потом. Сначала нас забрали представители Ведасграда. Посадили в машины, повезли через город. Я почти ничего не запомнила — только серые здания, пустые улицы, бетонные заборы. И башню. Когда мы подъехали, я подняла голову, и шея затекла, пока я долго пыталась разглядеть верх этой махины.

Девяносто девять этажей.

Теперь я знаю, как это устроено. Башня — небольшой город в городе. Магазины, секции, больницы, охрана, жильё. Всё своё. Чем выше этаж, тем больше у тебя прав и возможностей. На десятом нас приняли поначалу — стерильный холл, пластиковые стулья, отсутствие какого-либо запаха. Человек в сером костюме говорил с нами заученным текстом, без интонаций.

Итак, после всей этой тягомотины мы выяснили почти ничего. Но хоть нас ввели в курс дел: Ведасград — город закрытый, как консервная банка. Представь себе: со всех сторон этот дурацкий высоченный барьер, а за ним — сплошное заражение. Я тогда чуть не рассмеялась, честное слово. От абсурда. Мы променяли шило на мыло! Остров с бездумцами — на огромный закрытый город. Только вирус здесь иной. С виду обычный человек, а внутри — опасный псих. И это хуже, наверное. Потому что с виду фиг поймёшь. Улыбается тебе, руку подаёт, а через секунду — всё. Кукуха летит и нож в руке. Благо, всех таких когда-то выселили за барьер. Но эта зараза всё равно как-то проникает обратно в город. Опасные психологические расстройства, которые подхватываются непонятно как: то ли через воздух, то ли через касание, то ли просто потому, что ты оказался рядом с больным. Никто не знает. Вообще никто.

А ночью, значит, эти заражённые, что за барьером, лезут в город. Находят какие-то лазы, щели — и прут. Почему именно ночью? Нам сказали, днём барьер под высоким напряжением. Подойдёшь — и готово, шашлычок. А ночью, в строго определённые часы, напряжение сбрасывают — системе нужна перегрузка. Вот у психов и появляется шанс. Идиоты счастливые, пытаются свою судьбу в темноте. Лезут за общественными «благами». И пока эти зараженные шарятся по городу в поисках пропитания и тепла, они по дороге косят всех, кто случайно оказался на улице. Заражают — просто так, мимоходом. Поэтому ночью жителям Ведасграда строжайше запрещено высовывать нос из дома. Ни шагу. Не приближаться к барьеру. Не дышать в сторону выхода из дома. Запрещено, запрещено, запрещено. Красота, правда? Прямо райский уголок. Технополис номер два.

Потом, после первого инструктажа, нас покормили, переодели — и начался разбор полётов, то есть ролей. Физическая форма у меня, оказалось, неплохая. И меня засунули в СОФ. Служба Очищения Фонда. Звучит жутковато, правда? Но на деле — это элитный ночной патруль. Там им нужны те, кто может бегать, не бояться крови и не страдать жалостью. Много ребят, кого вытащили из технополиса «КРАЙ» или из лагерей ИСА, подходят под эти требования. Вот сейчас нас активно дрессируют. Инструктажи, тренировки до седьмого пота. Выйдем уже через несколько недель патрулировать город — проверять «чистоту» граждан. У СОФ там специальное оборудование хитрое: сканирует генетику, выискивает дефекты и психические расстройства. Если находим заразу — забираем больного. Дальше передаём его в другие руки, кому положено. А что с ним потом происходит? Я уже не знаю. И честно? Не уверена, что хочу знать.

Что ещё нового? Вика тоже взяли в СОФ. С руками оторвали, конечно. Такую машину — для устрашения населения самое то. Только вот после того скандала с его биографией, после того, как Ди вырвала его из лап операционной технополиса, он стал другим. Тише. Злее. Не разговаривает без нужды — вообще. Я иногда ловлю его взгляд и мурашки по коже, серьёзно. Меня аж воротит от него. Честно. И что в нём только Ди нашла? Дикий взгляд, озлобленный. Точно зверь, которого не кормили долго. Не знаю, о чём он думает. И что думает обо всём этом. Но догадываюсь. И догадки у меня — невесёлые.

А вот Ди в СОФ к нам не взяли. По здоровью. Бред, конечно. У неё здоровье — как у терминатора. Но бабушка у неё — Богдан Калиш, председатель Совета городской безопасности (короче, СГБ). И он решил, что его внучка не будет по ночам бегать по городу с оружием и рисковать подхватить заразу от тамошних шизиков. Ди тогда долго ругалась с нашим руководством, аж искры летели. Не взяли, хоть тресни. Сначала она злилась, потом затихла. Я, конечно, понимала, в чём дело. Не в службе вообще. Просто хотела быть ближе к Вику. Теперь ведь они видятся редко — из-за этого всего. Моё личное мнение? Всё к лучшему. Пусть держится подальше. И от него, и от всей этой дурной истории.

Но вот что странно: о существовании бабушки Ди узнала только здесь, когда мы приехали и зарегистрировались в башне. Отец Ди скрывал. Зачем — не знаю. Может, хотел защитить. Может, там была какая-то обида или ссора. Но Рахим Калиш остался в технополисе. Говорят, канул в лету вместе со своим детищем. Я не уверена, что он вообще был человеком к тому моменту. А тут Ди встретила с бабушкой. Он спустился сам, чтобы найти её на нашем этаже. Оказывается, как только ты регистрируешься и тебе назначают этаж твоих апартаментов в башне, ты не можешь подниматься выше. Только спускаться. Богдан Калиш живёт на семьдесят пятом этаже. Он иногда спускается к Ди, а иногда ей приходит приглашение от него и временный пропуск. Ди несколько раз поднималась к нему. Потом ещё рассказывала мне, что там постоянно транслируют: «Город спит спокойно, пока СГБ бодрствует». «Чистый разум — безопасный город». Семьдесят пятый этаж полностью принадлежит СГБ. Там своя среда.

С Ди мы сдружились. Не из-за её связей. Я, конечно, прагматичная, но только не с ней. Просто нам спокойнее вместе. Когда она рядом, я почти забываю, что между нами столько историй. Иногда мне кажется, что мы всё ещё лучшие подружки в северном лагере ИСА и впереди нас ждут только тренировки в секции бегунов и посиделки у костра за картами. Но это не так. К сожалению

Сейчас я ещё вспомнила другого человека. Командира секции файтеров, куда Ди всё время стремилась в лагере. Рэд. Его в СОФ тоже не взяли. У него, оказывается, механический клапан в сердце. Кто бы мог подумать — здоровяк, который таскал брёвна в лагере, оказался с железкой внутри! Дела, конечно Но он не особо расстроился. После поездки на дирижабле его вообще будто подменили. И если Вик стал ещё более злобным и отстранённым после всех событий, то с Рэдом всё было иначе. Раньше молчал, как рыба. Теперь постоянно шутит. Язвит, улыбается. Я не знаю, что с ним случилось. Но его личность будто перекроили. Из немногословного хмурого командира получился эксцентричный, харизматичный мужчина. Эна, дурочка, всё бежит за ним как привязанная. Знаю, она бегала за Рэдом ещё когда он был с Ди, а она рядом слюни пускала. Но добилась-таки — теперь ходит с довольной миной, думает, что он наконец-то её. Глупо. Очень глупо. Мне даже жаль её.

Пыталась посплетничать об этом с Ди. Она не хочет говорить о нём. Но я вижу — она переживает за Рэда.

Допиваю чай. За окном всё тот же дождь. Туман стал плотнее — зданий напротив уже почти не видно. Закрываю блокнот. Кладу ручку в карман платья. Надеваю наушники — в них ничего не играет, просто заглушаю внешний шум.

Тренировочный зал на двадцатом этаже. Место огромное, зеркальные стены отражают друг друга, и когда смотришь в них, кажется, что там бесконечные коридоры из таких же потных, сосредоточенных людей. Здесь с десятков человек: кто-то вяло тянет резину, кто-то бьёт

грушу с таким лицом, будто та задолжала ему деньги, кто-то замер у тренажёра, глядя в одну точку. Я стою у входа, даже не переоделась ещё, просто скольжу взглядом по лицам, привыкая к обстановке.

Вик проходит мимо. Уже отзанимался, и майка на нём мокрая насквозь, прилипла к спине так, что я вижу лопатки. Волосы — тёмно-рыжие, странный оттенок, не рыжий и не каштановый — мокрые, падают на лоб тяжёлыми прядями, и он откидывает их назад одним резким, раздражённым движением. На меня не смотрит. Да и вообще ни на кого. Идёт как по пустому коридору, хотя вокруг него люди.

Я, кстати, теперь понимаю, почему Ди от него без ума. Он и правда хорош собой. Многие девушки в зале провожают его взглядами, я замечаю. Одна, блондинка с тренажёра у окна, даже улыбнулась ему — открыто, призывно. Он прошёл мимо, как сквозь стену. Даже не замедлил шаг.

Дверь за ним хлопает тяжело, с басовитым эхом.

Я достаю телефон из кармана, нахожу Ди в контактах. Она сейчас гостит у мамы. Её мама живёт в элитном районе — в самом городе, не в башне. Богдан Калиш лично распорядился. Когда деревню семьи Ди затопило (или что там с ней случилось на самом деле, нам до сих пор толком не рассказали), её маму эвакуировали, устроили как положено: квартира с видом на парк, прислуга два раза в неделю, никакой тебе казармы или этажа с соседями. Ди гостит у неё уже два дня. Договорились, что она напишет, когда будет возвращаться. Пока не написала.

Пальцы выводят на экране: «Как ты?» Замираю, смотрю на эти два слова. Слишком коротко. Слишком — не знаю — по-детски, что ли. Стираю.

Набираю снова: «Завтра тренировка в 8. Будешь?» Хотя какая тренировка, завтра воскресенье, расписания нет. Наверное, я просто хочу, чтобы она поскорее вернулась.

Отправляю.

Убираю телефон глубоко в карман, чтобы не доставать каждые пять минут. Иду переодеваться — раздевалки в конце зала, за зеркальной стеной. Надо размяться, пока тело не забыло, как это делается. А то неделя без нормального движения, и вот уже чувствую, как затекает спина от этих бесконечных лекций.

ДИ

Ночь не хотела отпускать этот город. Стекланные громады Ведасграда утопали в лиловом мареве искусственного освещения, переливаясь сотнями оттенков — от холодного синего до приторно-розового, будто кто-то бесконечно настраивал частоту, но никак не мог найти нужную. На тридцать седьмом этаже, где располагалась квартира мамы, звуки приглушались, превращаясь в ровный монотонный гул — дыхание металлического легкого сорокамиллионного города.

Я стояла у панорамного стекла, прижавшись лбом к прохладной поверхности. Моё дыхание оставляло на стекле крошечные облачка, которые тут же исчезали. За моей спиной, в глу-

бине квартиры, в своей комнате спала мама. Раз в неделю я её видела. Раз в неделю мне разрешали вернуться в мир, который у меня был ещё до технополиса, до острова. В этом мире была любящая мама, которая всегда поддержит и успокоит.

Но сегодня я чувствовала себя беспокойно. На душе была тяжесть, спать я не смогла, и пришлось заняться тем, что мне удавалось всё хуже в последнее время — вспоминать прошлое. Обычно, когда я это делаю, я понимаю, что многое уже подзабылось, а местами тоска сжимает грудь так сильно, что становится трудно дышать. Сегодня тоска пришла не из-за мамы и не по отцу — его профиль я вижу теперь лишь на экранах новостных сводок, где показывают, как восстанавливают технополис Край по кусочкам после пожара и бунта машин. Не по Зете, которую я покинула так давно, что она уже кажется не воспоминанием, а чужим сном, который кто-то рассказал мне однажды.

Сегодня я скучала по острову.

Эта мысль пришла совсем неожиданно, и я даже замерла, перестав дышать, и только когда лёгкие начали противно саднить от нехватки кислорода, выдохнула — медленно, с тяжестью, будто выпускала из себя что-то чужеродное, не имеющее права находиться в моей груди. Но оно не ушло. Оно осталось там, свернувшись где-то под рёбрами, и я поняла, что это чувство никуда не денется, сколько бы я ни прижималась лбом к холодному стеклу.

Где-то там, за тысячи километров от этих тёмных улиц, искусственных парков и голографических вывесок, за штормовым океаном и скалистыми перевалами, за бесконечными джунглями, полями и болотами, был остров. И он, оказывается, успел врасти в меня, как корни дикого винограда в каменную стену, впитался в поры, смешался с кровью, осел на дне лёгких, и теперь каждый выдох выходил с едва уловимым привкусом хвойных лесов и костра.

Я провела ладонью по стеклу. По ту сторону отражалось моё лицо — русые волосы уже отросли, глаза — большие, с настороженным прищуром, который не исчезал даже здесь, в безопасности, потому что научиться не ждать удара со спины оказалось сложнее, чем научиться его отражать.

Мне стало страшно — не от того, что впереди, а от того, что позади. Остров должен был остаться там, в прошлом, среди обломков технополиса и криков, которые я никогда не смогу забыть. Но он не остался. Он перебрался на материк вместе со мной, и теперь в каждом дуновении ветра из приоткрытого окна я улавливала влажный душный воздух тропического леса перед рассветом, а в каждой паузе между звуками в ушах появлялся тот самый стрекот цикад, от которого я сходила с ума первые месяцы в лагере. Теперь я ловила его отсутствие, как наркоман, который забыл, где спрятал последнюю дозу.

Где этот стрекот по ночам? Где птицы, чьи истошные крики пронзали ночь, предупреждая об опасности или просто приветствуя новый день? Где утренняя свежесть, холодок по коже, перенасыщение воздуха соцветиями в тропиках, шум листвы на ветру и журчание реки? Здесь не было ничего из этого. Этот мир был абсолютно другим, и именно поэтому жизнь на острове казалась мне какой-то прошлой жизнью — слишком уж большой контраст вышел между прошлым и настоящим, чтобы не потерять рассудок. Зато здесь, в маминой квартире, у меня хотя бы появлялась эта возможность — окунуться в прошлое.

— Ди? Не спишь?

Голос мамы за спиной был мягким, чуть сонным. Я обернулась. Она стояла в дверях комнаты в длинном халате, волосы распущены, смотрела с беспокойством.

— Не могу уснуть, — ответила я.

— Я тоже. Пойдём чаю выпьем.

На кухне горел тусклый жёлтоватый свет. Мама включила чайник, достала чашки. Я забралась на стул с ногами, обхватила себя руками за колени. Мама заметила мое задумчивое состояние, но ничего не сказала, просто поставила передо мной кружку.

— Ты как будто не здесь, — вздохнула она, садясь напротив.

— Я думаю.

— О чём?

Чайник закипел, щёлкнул, отключился. Мама заварила чай — листовой, настоящий, не из пакетиков, она всегда его доставала, хотя в магазине такого не было. Наверное, опять дедушка постарался.

— Я думаю об острове, мам.

— Понятно.

Она не давила с расспросами, просто сидела напротив, грела ладони о кружку. На её пальцах — въевшаяся в кожу краска, синяя, жёлтая, чуть зелёная. Она стала художницей здесь, но об этом никто не знает. Дедушка Богдан просил не рассказывать — нецифровое искусство в городе запрещено. Мама рисует по ночам, превратив просторную ванную в мастерскую. Я иногда просыпаюсь ночью и знаю, что она там, творит за закрытой дверью, пока весь город спит.

— Ты никогда не рассказывала, — начала я, делая осторожный глоток, — как вы с папой оказались в Зете.

Мама посмотрела на меня поверх кружки, долго, пристально, потом вздохнула. Я заметила, как напряглись её плечи.

— Я вообще-то первая хотела задать тему. Хотела расспросить тебя о другом, Дарян. О тебе. О твоём парне.

— А что о нём?

— Ну Ты совсем не рассказываешь мне о нём. Как вы познакомились, как сблизились. Я бы хотела знать все. Знаю, что это невозможно. Но я просто хочу наверстать все то время, что у нас отняли. Понимаешь?

Я отвела взгляд к окну, за которым всё так же переливались огни Ведасграда. Вдалеке, где-то на уровне горизонта, мигала красная точка — может, дрон, может, сигнальная вышка.

— У нас с Виком очень сложная история, — говорю я, отводя взгляд к окну.

Мама молчит, ждёт продолжения. Но я молчу.

— В каком смысле сложная?

— В том смысле, что — я замолкаю, потому что не знаю, с чего начать. Если начать с самого начала, придётся рассказывать про лагерь, про тренировочное поле, про его издевательства и тот ужас, что я тщетно пытаюсь забыть и не сопоставлять с ним. Этого я не хочу вспоминать. Не сейчас. Не с мамой.

— Мы не сразу стали тем, чем стали, — говорю я вместо этого. — Сначала Вик меня ненавидел. Или делал вид, что ненавидит. Я до сих пор не уверена.

— А ты?

— Я боялась его. Первое время. Он был жестоким, мам. Не со мной одной — со всеми. У него была репутация.

— Но ты не поэтому его полюбила, — говорит она. Не спрашивает — утверждает.

— Нет. Я полюбила его совсем за другое. Иногда мне кажется, что тот Вик и мой — это два разных человека.

— Ты его настолько изменила?

— Мне кажется, он всегда был таким. Просто прятал себя ото всех, чтобы выжить.

Мама чуть наклоняет голову с улыбкой. Ей правда интересно. Меня это радует и я решаю продолжить погружение в прошлое.

— Однажды мы шли через лес, — вспоминаю я. — Я тогда ещё не умела многого не умела. Вик тащил меня за собой, ругался, говорил, что я обуза. Но не отпускал. А потом мы наткнулись на бездумцев. Их было много. И он Вик заслонил меня собой. У него не было оружия, мам. Только перочинный ножик. Он мог погибнуть. Знал это. Но не отступил.

— Что случилось потом? Вы не пострадали?

— Нет. Нам повезло. Мы убежали. Но я запомнила, как он стоял между мной и ними. Встал и даже не моргнул.

Я делаю паузу, потому что в горле встаёт ком.

— Знаешь, мам, он не умеет говорить красиво. Не умеет обещать то, чего не может дать. Но дает всегда больше, чем я могу себе представить. И он всегда рядом. Даже когда я злюсь и

говорю, чтобы он ушёл. Даже когда я делаю вид, что мне не нужна его помощь. Он остаётся. За это я и полюбила его.

— Это редкость, — тихо говорит мама.

Я киваю, потому что не знаю, что ответить. Она права.

— С ним я не боюсь, — говорю я, и это звучит глупо, слишком просто для всего, что мы пережили. — Даже когда страшно. И если бы не Вик Я бы с тобой сейчас здесь не разговаривала.

Мама смотрит на меня долго, так долго, что я начинаю чувствовать себя ребёнком, который только что признался в чём-то очень важном.

— Я хотела бы с ним познакомиться. Очень.

— Хорошо. Я скажу ему.

Мама улыбается — чуть заметно, одними уголками губ.

— Тогда зови его на ужин. Когда будешь готова.

— Спасибо, мам.

Мама молчит. Потом протягивает руку через стол и накрывает мою ладонь своей. В её глазах появляется печальный оттенок и я понимаю, что сейчас её очередь делиться прошлым.

— Знаешь, Зета была не просто деревней, — тихо начала она. — Там было кое-что. Я должна тебе рассказать. Про место, про людей, про

Телефон завибрировал, и я вздрогнула — не от испуга, а от того, что звук разорвал тишину слишком резко. На экране высветилось сообщение от Мии.

«Завтра тренировка в 8. Будешь?»

Я быстро напечатала: *«Да»*.

Через секунду пришел ответ: *«Супер! Кстати, тут твой без тебя места себе не находит. Ходит как злой пёс. Все разбегаются.»*

Я улыбнулась, сама не замечая этого, и спрятала телефон в карман.

— Кто там? — любопытствовала мама.

— Мия. Моя подруга.

Мама допила чай, поднялась из-за стола, поправила халат.

— Я хотела ещё побеседовать с тобой но уже слишком поздно. Давай завтра? Или когда в следующий раз приедешь.

— Давай.

Я встала и обняла её. Мама пахла масляными красками и чем-то сладким — может, ванилью, может, тем особенным запахом, который я помнила ещё с детства и который не могла описать словами. Я долго прижимала её к себе, и чувствовала, как её ладонь гладит меня по спине.

— Я не верю, что мы наконец-то вместе, — прошептала я ей в плечо. — Это точно не сон, мам?

— Нет. Мы точно не спим. Наконец-то. Мы правда вместе, — ответила она, перебирая мои пряди. — И никогда больше не расстанемся.

Мы разошлись по спальням. Я легла, натянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок — белый, безупречный, без трещин, без пятен, без истории. Совсем не такой, как тот, что я видела, лёжа на спине в хижине файтеров, когда над головой проносились тучи, а дождь барабанил по тонкой крыше, и где-то рядом кто-то тяжело дышал во сне, и это было так давно. И так прекрасно.

Я закрыла глаза. И перед ними не было ни тьмы, ни покоя, ни обещанного отдыха — только стрекот цикад в ушах, который я когда-то ненавидела, а теперь боялась забыть, и далёкий крик ночной птицы, слышавшей то, чего никогда не услышат люди в стеклянных башнях.

Я провалилась в сон, но он был неглубоким, и легко разбился о реальность, когда в тишине квартиры раздался знакомый писк. Кофемашина. Мама встала — значит, вдохновение нахлынуло, значит, она засядет в ванной до утра, а потом будет спать полдня, отсыпаясь после ночи, проведённой с кистями и красками.

Я посмотрела на часы — половина третьего. Глубокая ночь. Город за окном замер, только редкие огни мигали где-то внизу, как сигналы потерянного корабля.

Стало душно. Я подошла к окну, упёрлась ладонями в подоконник, посмотрела вниз — на бесконечный муравейник, который назывался Ведасградом, на переливающиеся вывески, на тёмные провалы улиц, где сейчас, возможно, бродили те, кого должна отлавливать служба очищения фонда.

Я стояла так несколько минут, потом развернулась и босиком, в лёгкой майке, прошла в ванную. Брызгаю в лицо холодной водой — надеюсь, смоет эту тяжесть, что свернулась узлом в животе. Не смывает. Вода стекает по подбородку, груди, и я смотрю на капли, как заморожённая, потому что смотреть на себя в зеркало почему-то не хочется.

Возвращаюсь в комнату, беру телефон. Набираю сообщение Вику: «Ты как?»

Смотрю на экран. Сообщение доставлено, но не прочитано. Наверное, спит. Откладываю телефон, закрываю глаза. Через несколько минут телефон вибрирует — входящее.

Приподнимаюсь на локтях. Он прислал фото.

С улыбкой и замиранием сердца, открываю его.

Зал полутемный, пустой, только свет от фонарей пробивается сквозь высокие окна. Вик стоит перед зеркалом, в чёрной майке, кожа на руках поблескивает от пота. Я приближаю картинку, рассматриваю — пресс угадывается под тканью, мышцы рук напряжены, как будто он только что закончил подход. Сглатываю. Он знает, что я смотрю и что чувствую сейчас. Вот же.

«Не спится?» — пишу я.

«Без тебя нет»

«Со мной ты как будто спишь»

«Даже так? А в сообщениях ты более дерзкая. Неужели в лицо так трудно мне отвечать?»

«Если хочешь, чтобы я так тебе отвечала, придется тебе мешок на голову одевать»

«Значит мое лицо всему виной? Смущаю тебя?»

«Не смущаешь. Дразнишь.»

«Я запомню.»

Я улыбаюсь — глупо, по-детски, лёжа в темноте и глядя в светящийся экран. Сообщение от Вика, очередное. Не читаю, сразу открываю.

Фото загружается медленно — связь в башне всегда с задержкой, слишком много помех от всего этого стекла и бетона. Картинка проступает кусками: сначала пятно серого, потом край зеркала, потом мокрая плитка на стене.

И когда изображение проявляется целиком, я понимаю, что он в душевой.

Он стоит перед зеркалом вполоборота, и на нём только полотенце — низко на бёдрах, так низко, что я вижу линию паха, выступающие кости таза, ту самую V-образную впадину, которая сводит меня с ума по утрам, когда он потягивается в постели. Полотенце держится на честном слове и узле, который вот-вот развяжется. Складка ткани падает как раз туда, куда не нужно, если хочешь сохранить приличия. Но он не хочет. Он хочет, чтобы я смотрела.

Волосы мокрые, тёмные у корней, падают на его лоб тяжёлыми прядями. Капли стекают по шее, собираются в ямочке над ключицей, потом срываются вниз, по груди, по прессу — я вижу каждую, потому что на фото высокое разрешение, и он знает, что я буду разглядывать.

На зеркале разводы — капли воды, которые не стёрли. Лампы над раковиной дают тусклый свет, но в душевой темно, только этот свет выхватывает его силуэт из полумрака. Он смотрит в объектив — не в зеркало, а в камеру, на меня — и в его глазах ухмылка.

Фото занимает весь экран. Я смотрю на его руки — одна держит телефон, другая висит вдоль тела, пальцы расслаблены. На бёдрах — полотенце. Я думаю: если он сделает вдох, оно упадёт.

В голове пустота. Ни одной мысли. Как долго я уже пялюсь в экран?

Я не моргаю. Глаза щиплет. Телефон становится горячим в руке. Или это мои пальцы нагрели стекло. Не знаю. Отбрасываю его на кровать. Жар разливается по щекам, по шее, ниже, туда.

— Дурак, — шепчу я в тишину.

И улыбаюсь.

«Ты издеваешься?» — быстро печатаю я, когда подползаю к телефону.

«Ни капли.»

«И что мне делать с твоим фото?»

«Уже закончила краснеть? Пришли себя.»

«Нет.»

От него приходит плачущий смайлик. Я смеюсь — тихо, чтобы не мешать маме.

Лежу на спине, глядя в серый от уличного света потолок, и чувствую, как внутри нарастает это дурацкое, детское волнение — такое, будто мы только начинаем общаться. Но он уже видел меня голой. Он уже знает каждую родинку, каждый шрам, каждую точку на моём теле, от которой я начинаю дышать чаще. И всё равно я нервничаю. Почему?

Кусаю губу сильнее. Смотрю на телефон, на его сообщение, на этот плачущий смайлик, который должен означать досаду, но на самом деле означает: «Давай, не тяни». И я знаю, что он сейчас тоже смотрит в экран, лежит в своих апартаментах и ждёт. И от этого знания внутри всё сжимается, а потом отпускает с таким рывком, что я встаю с кровати, даже не успев подумать.

Простыня сбивается у ног, я путаюсь в ней на секунду, вырываюсь и иду в ванную, потому что в спальне нет зеркала, а мне нужно увидеть себя — не для того, чтобы понравиться себе, а чтобы понять, какой меня увидит он.

Пол в ванной холодный, я зажигаю свет — лампы над зеркалом вспыхивают белым, выхватывают из темноты моё лицо: растрёпанные волосы, прикушенные губы, след от подушки на щеке, который всё ещё розовеет. Я смотрю на себя и думаю, что выгляжу усталой, что под глазами залегли тени, что волосы торчат в разные стороны. Сонная неряха какая-то.

Расчёсываю пряди пальцами. Провожу от корней до концов, распутываю колтуны, заправляю за уши, потом вытаскиваю обратно — так лучше, когда они падают на лицо и плечи, скрывают ключицы.

Поправляю майку. Она старая, серая, с растянутым воротом, который сползает с плеча, стоит мне чуть шевельнуться.

Майка мне велика. Она доходит почти до середины бедра и сидит мешком. Я задираю край пальцами, подворачиваю внутрь, чтобы она сидела короче, открывала живот.

Встаю на носочки — так ноги кажутся длиннее, а бёдра — острее. Втягиваю живот, задерживаю дыхание, смотрю на себя в зеркало: на полоску кожи между краем майки и линией трусиков, на тени, которые падают от рёбер, на впадину внизу живота, которую я обычно прячу, потому что считаю её некрасивой, но сейчас, в этом свете, она выглядит почти как на картинках.

Поднимаю телефон. Навожу на себя, держу на вытянутой руке, чуть сверху — так, чтобы в кадр попали ключицы, плечо и живот. Не улыбаюсь. Смотрю в объектив так, как смотрела бы на него — пристально, серьёзно.

Нажимаю кнопку. Фото щёлкает, и я замираю — боюсь смотреть, что получилось. Потом всё-таки смотрю.

Волосы падают на лицо, один глаз почти закрыт прядью. Губы сжаты. Майка сползла с плеча, открывая родинку, которую он когда-то поцеловал и сказал, что она похожа на маленького жука.

Я не знаю, красиво это или нет. Но это — я. Такая, какая есть сейчас, в четыре утра, после бессонной ночи, с растрёпанными волосами и прикушенными губами.

Отправляю.

Телефон падает на кровать, я сажусь рядом. Одергиваю себя не кусать губы. Начинаю кусать щеки.

Благо ответ от него приходит мгновенно.

«Во сколько завтра приезжаешь?»

Я подавляю ухмылку.

«Хотела уснуть к завтраку. Потом тренировка. А что?»

«Завтрак пропустим. И тренировку тоже.»

Пальцы застывают над экраном. В груди становится тепло от этих слов, от того, как он их написал, коротко и без объяснений.

«Допустим. И чем мы займемся?»

«Увидишь.»

Я улыбаюсь, откидываясь на спину.

Через несколько секунд экран загорается снова. Сообщение от него:

«Спасибо, Ди. Теперь я точно не усну».

«Прости», — печатаю я.

«Жестокая женщина».

«Ты первый начал». Улыбаюсь. И добавляю: *«Скучаю по тебе.»*

Смотрю на экран. Сообщение доставлено. Но не прочитано. Жду минуту, две. Телефон молчит. Глаза уже слипаются.

Закрываю глаза. Думаю о нём. О том, как он смотрит на моё фото сейчас — в своей комнате, в темноте, с телефоном в руке. Улыбается, наверное. Или нет. Может, просто смотрит — пристально, серьёзно, как тогда, на острове, когда думал, что я сплю.

Просыпаюсь от того, что телефон жжёт ладонь. Глубокая ночь — за окном всё так же чернота и редкие огни. Экран светится в темноте: сообщение, которое я отправила, до сих пор не прочитано. Прошёл час. Или больше. Я смотрю на время — половина пятого.

Набираю его номер. Длинные гудки, один, второй, третий. Потом — писк.

— Да? Говорите.

Голос женский, бодрый — режет слух.

— Что-то срочное? — спрашивает девушка на том конце.

Я молчу. Пытаюсь выдохнуть, но воздух застревает в горле. Кто эта девушка? И почему она взяла телефон Вика???

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.